

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080032770-4

ТУРЕЦКИЕ ИСТОРИКИ О ПРОБЛЕМЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ
В СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(1939–1945)

© 2024

А.В. БОЛДЫРЕВ ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3982-2848; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена проблеме черноморских проливов в советско-турецких отношениях в годы Второй мировой войны. В современной турецкой историографии преобладает негативная оценка той роли, которую сыграл Советский Союз в истории советско-турецких отношений в 1939–1945 гг. Лейтмотивом является мнение о преемственности экспансионизма в политике СССР, унаследованного им от царской России. Исследователи подчеркивают, что, начиная с довоенного периода, СССР готовился к ревизии конвенции Монтрё 1936 г. По мнению турецких историков, в 1939–1941 гг. «проливная» проблема во многом способствовала ухудшению советско-турецких отношений. Не учитывается, что в 1941–1944 гг. Анкара неоднократно пропускала в Чёрное море германские военные корабли, замаскированные под торговые суда. Отмечается, что вплоть до окончания войны советско-турецкие отношения отличались различным уровнем враждебности. Что касается послевоенного периода, то большинство турецких историков подчеркивают доброжелательную и терпеливую позицию Турции, её безупречную позицию с точки зрения буквы конвенции и агрессивные планы Москвы. Отмечая несправедливый характер внешней политики Советского Союза, многие авторы не обращают внимания на то, что советские требования к Турции в отношении проливов после войны не оспаривались никем из держав антигитлеровской коалиции, включая саму Турцию, и были продиктованы печальным опытом турецкого суверенитета над Босфором и Дарданеллами в период Второй мировой войны. В турецкой историографии преобладает тенденция ограничить исследование «проливных» претензий Советского Союза послевоенным периодом, т.е. показать, что политика Турции в этом вопросе изначально носила принципиальный характер. Более объективный характер носят те исследования, в которых проблема черноморских проливов в советско-турецких отношениях рассматривается, начиная с межвоенного периода. Для раскрытия темы были использованы исследования на английском языке, поскольку работы турецких ученых во многом основаны на англоязычных материалах.

Ключевые слова: Турция, СССР, Советский Союз, конвенция Монтрё, КМ-36, черноморские проливы

Для цитирования: Болдырев А.В. Турецкие историки о проблеме черноморских проливов в советско-турецких отношениях (1939–1945). *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 237–248. DOI: 10.31696/S086919080032770-4

TURKISH HISTORIANS ON THE PROBLEM OF THE BLACK SEA STRAITS
IN SOVIET-TURKISH RELATIONS (1939–1945)

© 2024

Andrey V. BOLDYREV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3982-2848; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of the Black Sea straits in Soviet-Turkish relations during the Second World War as reflected in modern Turkish historiography. In Turkish historiography, a negative assessment of the role of the Soviet Union in the history of Soviet-Turkish relations in 1939–1945 traditionally prevails. The leitmotif is the opinion about the continuity of the expansionist policy of the USSR inherited from tsarist Russia. Turkish researchers emphasize that, starting from the pre-war period, the USSR has been preparing to revise the Montreux Convention of 1936. In their opinion, in 1939–1941, the problem of the straits contributed to the deterioration of Soviet-Turkish relations. It is overlooked that in 1941–1944, Ankara repeatedly allowed German warships disguised as merchant ships into the Black Sea. Regarding the post-war period, Turkish historians emphasize the benevolent position of Turkey and the aggressive plans of Moscow. Many authors do not pay attention to the fact that Soviet requirements for Turkey regarding the straits were not contested by any of the powers of the anti-Hitler coalition, including Turkey, and were dictated by the sad experience of Turkish sovereignty over the Bosphorus and Dardanelles. The dominant tendency in Turkish historiography is to limit the study of the Soviet Union's claims related to the straits to the post-war period. The studies that examine the problem of the straits in Soviet-Turkish relations beginning with the interwar period are generally more objective. To study the topic, studies in English were used, since the works of Turkish scholars are largely based on English-language materials.

Keywords: Turkey, USSR, Soviet Union, Montreux Convention, KM-36, Black Sea Straits

For citation: Boldyrev A.V. Turkish Historians on the Problem of the Black Sea Straits in Soviet-Turkish Relations (1939–1945). *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 237–248. DOI: 10.31696/S086919080032770-4

К 1939–1940 гг. проблема черноморских проливов в советско-турецких отношениях осложнилась. Во многом это было связано с неудачей советско-турецких переговоров в августе – сентябре 1939 г.¹, отразивших накопившиеся противоречия². Ситуацией воспользовалась Германия. Как отмечал Алтемур Кылыч³, немцы «поняли» недовольство СССР конвенцией Монтрё 1936 г. [Кılıç, 1959, р. 86–87]. 12 и 13 ноября 1940 г. в Берлине состоялись советско-турецкие переговоры. На встрече не предполагалось поднимать вопросы о ревизии конвенции Монтрё (далее – КМ-36). Цели советско-германской встречи состояли в определении перспектив дальнейшего сотрудничества и выяснении точек зрения по ряду накопившихся проблем.

Тем не менее вопрос о КМ-36 возник в ходе советско-германских переговоров. Текст переговоров протоколировала германская сторона. В ходе переговоров германская сторона

¹ Советско-турецкие переговоры в Москве 25 сентября – 16 октября 1939 г. по поводу заключения пакта о взаимопомощи.

² См. подробнее: [Болдырев, 2022].

³ Алтемур Кылыч (1924–2016) – турецкий журналист и писатель.

предложила наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову соглашение об изменении в пользу СССР режима черноморских проливов. По версии А. Кылыча, во время переговоров В.М. Молотов запросил не только базы в проливах, но и потребовал Карс и Ардаган [Kılıc, 1959, p. 83, 86–87]. Мнения, что на переговорах 12–13 ноября 1940 г. проливы были предметом переговоров между СССР и Германией, придерживаются английские и американские исследователи [Hale, 2000, p. 83; Tamkin, 2009, p. 25]. Брюс Р. Канихолм⁴ утверждает, что «в ноябре 1940 года Молотов, ведя переговоры с немцами, добивался контроля над проливами...» [Kuniholm, 1980, p. 69]. Основываясь на документах, можно с уверенностью сказать, что обеспечить свои интересы в вопросе о проливах СССР намеревался путем заключения союзного пакта с Болгарией [*Оглашению подлежит: СССР–Германия*, 1991, с. 209–216]. Данный пакт гарантировал интересы СССР в проливах без пересмотра конвенции 1936 г. Это же отмечает и Мурат Ульгюль⁵. Он подчёркивает: записи разговора показывают, что главной заботой Советского Союза в начале 1940-х годов была ситуация на Балканах и возможный переход региона в сферу влияния Германии [Ulgul, 2010, p. 26].

14 ноября 1940 г. советская делегация покинула Берлин. Историки не сомневаются, что А. Гитлер не намеревался предоставлять СССР гарантии в проливах, кроме «бумажного соглашения» [Tamkin, 2009, p. 25.]. Это понимали и в Москве. 17 ноября 1940 г. В.М. Молотов информировал о германских предложениях посла СССР в Лондоне И.М. Майского, высказав сомнения в искренности германской стороны [*СССР и Турция*, 1979, с. 61].

В дальнейшем линия советской дипломатии была изменена. 25 ноября 1940 г. В.М. Молотов передал послу Германии в Москве Ф. фон Шуленбургу поправку к проекту протокола о предлагаемом пакте четырёх держав⁶. Советское принятие пакта подразумевало создание баз для сухопутных и военно-морских сил СССР в пределах Босфора и Дарданелл [Kuniholm, 1980, p. 24–25]. Руководство СССР исходило из того, что возможность сближения с Германией произведёт должное впечатление на Турцию, сделав её сговорчивее.

17 марта 1941 г. информация о берлинских переговорах была доведена до сведения турецкого посла в Германии Хюсрева Гёреде. Пынар Бильгин и Кыванч Джош⁷ отмечают, что хотя СССР в марте того же года подтвердил свою лояльность конвенции Монтрё⁸, раскрытие переговоров нанесло ущерб отношениям между Турцией и СССР [Bilgin, Coş, 2010, p. 54]. А. Кылыч подчёркивал, что «секретные переговоры относительно Турции между Молотовым и Гитлером и Риббентропом послужили обострению традиционного подозрения турок относительно России» [Kılıc, 1959, p. 116]⁹.

В целом, однако, в отличие от пакта Молотова-Риббентропа¹⁰ турецкие лидеры не испытывали аналогичного «шока» от берлинских переговоров. Негативная информация о своем соседе, к которому Турция и без того не испытывала особого доверия лишь заставляла турок действовать активнее.

Ряд британских и турецких историков предполагают, что берлинские переговоры стали причиной того, что накануне войны СССР с Германией советско-турецкие отношения окон-

⁴ Брюс Р. Канихолм – профессор, американский исследователь внешней политики США на Ближнем и Среднем Востоке.

⁵ Мурат Ульгюль – доцент Черноморского Технического Университета (Трабзон). Научные звания и должности турецких исследователей, а также организации, которые они представляют, даются на момент публикации их работ.

⁶ Германии, Советского Союза, Италии и Японии.

⁷ Профессор Пынар Бильгин и Кыванч Джош – сотрудники Университет Билькент (Анкара).

⁸ 25 марта 1941 г. была подписана советско-турецкая декларация о взаимном нейтралитете в случае войны.

⁹ Турецкие пресса и общественность узнали о советско-турецких переговорах лишь после нападения Германии на Советский Союз.

¹⁰ См. подробнее: [Болдырев, 2022].

чательно испортились. Как отмечает Севтап Сыракая¹¹, первым сообщением после начала войны, попавшим в информационные агентства, стала нота Германии к Советскому Союзу. В этом заявлении А. Гитлер обвинил Советский Союз в желании захватить черноморские проливы [*Нота германского МИД*, 2024]. По словам С. Сыракая, обращение А. Гитлера вызвало бурную реакцию турецкой прессы. Опровержение В.М. Молотова было опубликовано в турецкой печати, но не смогло смягчить негативную реакцию [Сыракая, 2015, с. 120].

Из исследования Фероза Ахмада¹² следует, что А. Гитлер сообщил Х. Гёреде в марте 1941 г. детали лишь первой части ноябрьских переговоров, умолчав о предложении В.М. Молотова после возвращения последнего из Берлина [Ahmad, 2004, p. 133]. Вторая часть была «припасена» для более масштабной дискредитации СССР. Как отмечает Огулджан Йылдырым¹³, информация А. Гитлера показала Анкаре, что советские претензии относительно проливов остались без изменений [Yildirim, p. 5]. Однако план А. Гитлера был реализован не полностью. О. Йылдырым подчёркивает, что «поскольку турецкое правительство не знало точно, что произошло в Берлине за закрытыми дверями, Турция ... старалась максимально ... поддерживать свои отношения с обеими странами ...» [Yildirim, p. 3].

По мнению турецких учёных, после нападения Германии на СССР ситуация, сложившаяся на советско-германском фронте, заставила Советский Союз отказаться от своих претензий на проливы [Önsoy, Baba, 2019, p. 139]¹⁴. 28 июля 1941 г. в письме президенту Турции Исмету Инёню И.В. Сталин заявил, что не имеет намерений пересматривать конвенцию Монтрё 1936 г. По словам британского историка Уильяма Хейла, Великобритания и СССР осознали: лучшее, что они могут сделать, – это поддерживать Турцию как нейтральное государство [Hale, 2000, p. 93]. 10 августа 1941 г. СССР и Великобритания выпустили совместную декларацию о своей верности правилам КМ-36, где было сказано, что они не имеют каких-либо намерений относительно проливов и готовы гарантировать территориальную целостность Турции [Hale, 2000, p. 93].

В то же время советско-британская акция не добавила доверия Анкары к союзникам. Николас Тамкин¹⁵ подчёркивает, что советско-британское сотрудничество лишь усиливало турецкие подозрения «в англо-советском сговоре за счет Турции» [Tamkin, 2009, p. 108]. Камнем преткновения оставались черноморские проливы. Гюрол Баба¹⁶ пишет, что если до советско-германской войны Турцию беспокоила возможность тайной советско-германской сделки по проливам, то после нападения Германии на Советский Союз, Турция стала беспокоиться о такой же сделке между Россией, Великобританией и США [Baba, 2011, p. 78]. Тюрккая Атаов¹⁷ отмечает, что «прошло некоторое время, прежде чем турки полностью уверились, что англичане и русские не обсуждали ничего, что противоречило бы турецким интересам» [Ataöv, 1965, p. 100].

Как турецкие, так и западные исследователи отмечают, что результаты Сталинградской битвы самым решительным образом повлияли на состояние советско-турецких отношений. М. Ульгюль подчёркивает, что если начало войны между СССР и Германией было воспринято в Анкаре с чувством облегчения, то теперь «период комфорта» для Турции закончился [Ulgu, 2010, p. 29]. Относительно периода после Сталинградской битвы в турецкой историографии следует выделить два направления: отношение Советского Союза к

¹¹ Севтап Сыракая – исследователь Анкарского университета.

¹² Фероз Ахмад, индеец по происхождению, переехал в Турцию, где принял турецкое гражданство. Преподавал в Университете Йедитепе (Стамбул).

¹³ Огулджан Йылдырым – исследователь Университета Эксетера (Великобритания).

¹⁴ Речь идет о письме И.В. Сталина министру иностранных дел Великобритании Антони Идену 28 июля 1941 г., в котором И.В. Сталин заявил, что не имеет намерений пересматривать КМ-36 [Hale, 2000, p. 93].

¹⁵ Николас Тамкин – сотрудник Кембриджского университета.

¹⁶ Гюрол Баба – исследователь Университета социальных наук (Анкара).

¹⁷ Тюрккая Атаов – профессор Анкарского университета.

вступлению Турции в войну и его попытки решить проблему контроля над черноморскими проливами. Отмечается отход СССР от желательности вовлечения Турции в войну против держав оси как средство узаконить претензии СССР на проливы. Так, Мустафа Бильгин¹⁸, утверждает, что это было отражено в сообщении советского посла в Анкаре С.А. Виноградова В.М. Молотову. Он отмечал, что «если Турция откажется вступить в войну, это также будет полезно для нас, поскольку заложит основу для наших будущих требований» [Bilgin, 2007, p. 43]. В данном случае М. Бильгин имел в виду стремление СССР заручиться поддержкой союзников для реализации требований в отношении проливов.

По выражению Б.Р. Канихолма, на Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) «кристаллизовалось» советское отношение к Турции [Kuniholm, 1980, p. 70]. В исследовании Ипек Арыюгул¹⁹ утверждается, что Советский Союз стремился к тому, чтобы успеть получить гарантии от Запада, относительно контроля над проливами до конца войны [Arioğul, 2003, p. 9–10]. По словам М. Бильгина, процесс этот начался тогда, когда И.В. Сталин поднял вопрос о «портах тёплых морей» на Тегеранской конференции 30 ноября 1943 г. в беседе с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом [Bilgin, 2007, p. 43].

Джеффри Робертс²⁰, наоборот, отмечает, что инициатива о предоставлении Советскому Союзу права свободного и неограниченного доступа в проливы принадлежала У. Черчиллю. Однако, по его словам, «Сталин, воспользовавшись случаем, поднял вопрос о контроле Турции над черноморскими проливами и необходимости пересмотра транзитного режима в пользу Советского Союза» [Roberts, 2007, p. 16]. Более объективно вопрос рассмотрен в монографии Б.Р. Канихолма. Он подчёркивает, что инициатива о либерализации режима проливов для СССР принадлежала У. Черчиллю, который хотел ускорить вступление Турции в войну [Kuniholm, 1980, p. 44].

Советская сторона, поддержав британскую инициативу, предложила переключиться на более актуальные вопросы, поскольку И.В. Сталину были понятны причины, по которым У. Черчилль сделал своё предложение, – заставить Турцию вступить в войну, предотвратив появление советских войск на Балканах. По словам Т. Атаова, советское руководство всё меньше было настроено на вступление Турции в войну, поскольку наступление советских войск в южном направлении делало это невыгодным [Ataöv, 1965, p. 114–115].

Таким образом, согласно утверждениям турецких историков, на Тегеранской конференции впервые за всю войну Москва поставила вопрос о пересмотре конвенции Монтрё в свою пользу. Не учитывается тот факт, что актуализация данного вопроса принадлежала британскому премьер-министру. Пересмотр режима черноморских проливов на тот момент не входил в планы советского руководства.

Вплоть до окончания войны в Анкаре опасались, что СССР сможет убедить США и Великобританию в справедливости претензий на пересмотр конвенции Монтрё. Турецкие историки отмечают, что это произошло на конференции в Москве 9–19 октября 1944 г. По словам Ф. Ахмада, когда И.В. Сталин и У. Черчилль встретились, чтобы обсудить послевоенную Европу и разделить ее на сферы влияния, И.В. Сталин поднял вопрос о пересмотре КМ-36 [Ahmad, 2004, p. 23].

М. Бильгин подчёркивает, что премьер-министр Великобритании согласился с тем, что у СССР «есть право и моральные претензии (на проливы. – А.Б.)». Он утверждает, что в этом случае «Советы», если бы Турция вступила в войну против Германии, могли оккупировать турецкие проливы как её возможные «освободители» [Bilgin, 2007, p. 51]. М. Ульгюль

¹⁸ Мустафа Бильгин – сотрудник факультета международных отношений Университета им. Баязида Йылдырыма (Анкара).

¹⁹ Ипек Арыюгул – исследователь Университета Билькент (Анкара).

²⁰ Джеффри Робертс – профессор Университет Корк (Республика Ирландия).

указывает на то, что британская политика в отношении СССР не отличалась от «политики умиротворения» премьер-министра Невилла Чемберлена в отношении А. Гитлера. По его мнению, эта ошибочная тактика была одной из причин, которые открыли путь к советским требованиям о проливах в 1945 г. [Ulgul, 2010, p. 29].

Анализируя выводы упомянутых исследователей, следует выделить в них ряд неточностей. Во-первых, преувеличено расположение У. Черчилля к Советскому Союзу. Турецкие исследователи считают заинтересованность Великобритании в советском союзнике причиной неспособности британских дипломатов оказать реальную помощь Турции против претензий СССР. Между тем позиция Великобритании по отношению к Турции постепенно менялась на более благожелательную. Т. Атаов отмечает: несмотря на то, что У. Черчилль и министр иностранных дел Великобритании Антони Иден договорились со И.В. Сталиным о целесообразности пересмотра конвенции Монтрё, в отсутствие Ф. Рузвельта окончательное решение по этому вопросу принято не было [Ataöv, 1965, p. 123–124].

Во-вторых, забывается, что основанием к постановке Советским Союзом вопроса об изменении в свою пользу ряда ключевых положений конвенции Монтрё стали действия самой Анкары. Турецкие историки отмечают, что в ходе военных действий в Анкаре не давали разрешение на проход судов западных союзников с грузом военной помощи для СССР [Джумхур, 2017, с. 37; Гюдек, 2013]. Поэтому вполне понятно согласие Великобритании и США на предъявление СССР «морального иска» Турции после войны, как и то, что он, не стал сюрпризом и для самих турок.

Такова была внешнеполитическая ситуация к началу Ялтинской конференции (4 февраля 1945 г. – 11 февраля 1945 г.). Тем не менее М. Ульгюль признаёт, что во время Ялтинской конференции позиция СССР не вызвала тревогу у западных государств и Турции [Ulgul, 2010, p. 29]. Вопрос о проливах И.В. Сталин поднял на седьмом пленарном заседании Ялтинской конференции 10 января 1945 г. Как указывают турецкие историки, И.В. Сталин заявил, что конвенция Монтрё «изношена» и должна измениться [*Türkiye Cumhuriyeti Tarihi*, 2004, s. 459]. По словам Б.Р. Канехолма, У. Черчилль напомнил И.В. Сталину, что Великобритания поддерживает идею пересмотра конвенции, но сам он ещё не слышал конкретных советских предложений по данному вопросу²¹. Он попросил, чтобы Турция получила гарантии в том, что её независимость и целостность будут сохранены. И.В. Сталин согласился на это [Kuniholm, 1980, p. 171]. Решения о гарантии территориальной целостности Турции были зафиксированы в документах Ялтинской конференции [*Советский Союз на международных конференциях*, т. 3, 1979, с. 240]. Однако, по мнению М. Ульгюля, упущение состояло в том, что в протоколах конференции не было зафиксировано письменного обязательства СССР не посягать на суверенитет и территориальную целостность Турции, а лишь устное заверение об этом [Ulgul, 2010, p. 32].

После объявления Турцией войны Германии 23 февраля 1945 г. она официально получила приглашение на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско. Несмотря на это, Аслыхан Гюдек²² подчёркивает, что не только Советский Союз, но и другие государства-победители негативно восприняли позднее вступление Турции в войну. Со стороны СССР это выражалось в стремлении контролировать проливы и территории на восточных границах Турции [Гюдек, 2013].

Таким образом, турецкие историки отмечают, что к Ялтинской конференции Турция подошла с пониманием того факта, что её недружественный нейтралитет в отношении

²¹ На конференции в Ялте И.В. Сталин, заявив, что порядок, установленный конвенцией Монтрё, изжил себя, предложил изменить его, однако не сделал никаких конкретных предложений [*Советский Союз на международных конференциях*, т. 3, 1979, с. 216].

²² Аслыхан Гюдек – сотрудник Эгейского университета (Измир).

СССР давал Москве карт-бланш для ревизии системы взаимоотношений двух стран. О неизбежности постановки вопроса о пересмотре ряда положений конвенции Монтрё турецкая сторона имела чёткое представление. По мнению турецких авторов, ситуация, сложившаяся после Ялтинской конференции, стала началом наиболее драматичного периода в отношениях между СССР и Турцией за всю войны.

19 марта 1945 г., Советский Союз денонсировал Парижский договор о дружбе и нейтралитете 17 декабря 1925 г., отказавшись его пролонгировать²³. До этого, после Ялтинской конференции, В.М. Молотов представил послу Турции в Москве Селиму Сарперу советский вариант обсуждаемого в Ялте вопроса о проливах²⁴. Как отмечает Онур Ишчи²⁵, заявление В.М. Молотова усилили подозрения Турции как в отношении советских намерений, так и традиционное опасение о возможности предварительной договорённости между СССР и Великобританией за спиной Турецкой Республики [İsci, 2014, p. 259]. Тем не менее Турция надеялась на поддержку Великобритании, поскольку сближение с Лондоном было единственной возможностью для Турции не допустить перевода проблемы проливов в формат двустороннего обсуждения с Советским Союзом.

Т. Атаов отмечал, что из записки, которую В.М. Молотов представил С. Сарперу 19 марта 1945 г., следовало, что в связи с глубокими переменами произошедшими в период войны, договор о дружбе и нейтралитете больше не соответствует новой ситуации и нуждается в серьёзном улучшении [Ataöv, 1965, p. 94]. По словам П. Бильгин и К. Джоша, В.М. Молотов указывал на то, что договору исполнилось 20 лет, и изменения были необходимы, чтобы «отразить условия дня» [Bilgin, Coş, 2010, p. 53]. Осторожный тон упомянутых исследователей контрастирует с резким мнением А. Кылыча, который утверждал, что «в советской записке было грубо сказано, что турецко-советский договор 1925 года о нейтралитете и ненападении больше не соответствовал новой ситуации» [Kılıç, 1959, p. 117]. Как представляется, своей формулировкой А. Кылыч попытался отразить страхи турок в связи с самим заявлением и тем, что за этим может последовать.

В ответном письме МИД Турции от 4 апреля 1945 г. была выражена готовность внимательно рассмотреть любые предложения, которые Советское правительство предложило бы, чтобы заключить договор, более соответствующий нынешним интересам двух стран [Ataöv, 1965, p. 126]. П. Бильгин и К. Джош отмечают, что, когда С. Сарпер спросил о подробностях улучшения конвенции, В.М. Молотов отказался разъяснять детали [Bilgin, Coş, 2010, p. 53]. Из монографии М. Бильгина следует, что Москва с самого начала стремилась обосновать необходимость серьёзного реформирования конвенции Монтрё инициативой самой Турции [Bilgin, 2007, p. 53]. М. Ульгюль отмечает, что во время конференции в Сан-Франциско по учреждению ООН (25 апреля – 26 июня 1945 г.), разговаривая с министром иностранных дел Турции Хасаном Сака, В.М. Молотов снова заявил, что они не готовы предложить условия, но могут выслушать предложения Турции. В ответ на это Х. Сака ответил, что они желали бы услышать в первую очередь советские предложения. По словам М. Ульгюля, «эта цепь упрямства» прервалась лишь на личной встрече С. Сарпера и С.А. Виноградова в Анкаре 21 мая 1945 г. [Ulgul, 2010, p. 33]²⁶.

²³ Договор истек 7 ноября 1945 г.

²⁴ В начале февраля 1945 г. заместитель народного комиссара СССР по иностранным делам С.И. Кавтарадзе и советский полномочный (полпред) в Анкаре С.А. Виноградов подготовили документ, ставший основой для переговоров о новом режиме проливов. Проект предусматривал признание за СССР и Турцией (либо за конференцией черноморских стран) права установить путем двустороннего соглашения обязательную для всех держав регламентацию режима проливов. Предполагалось также предоставление СССР (или всем черноморским державам) права участвовать вместе с Турцией в контроле над новым режимом Босфора и Дарданелл [Наумкин, Скороспелов, 2024].

²⁵ Онур Ишчи – директор Центра российских исследований Университета Билькент (Анкара).

²⁶ 8 и 21 мая 1945 г. в Анкаре состоялись две «неофициальные» встречи С. Сарпера и С.А. Виноградова.

Таким образом, на этапе денонсации договора 1925 г. Москва не выдвигала Анкаре конкретных условий, рассчитывая в дальнейшем реализовать свои требования в максимальной степени в рамках двусторонних переговоров.

Советский демарш не стал неожиданностью. Как отмечал Т. Атаов, к концу Второй мировой войны великие державы понимали необходимость ревизии конвенции Монтрё [Ataöv, 1965, p. 92]. П. Бильгин и К. Джош также подчёркивают, что денонсация СССР договора 1925 г. не стала шоком для турецких политиков. «Сарпер предупреждал Анкару ещё в декабре 1944 года, что СССР, скорее всего, денонсирует Договор 1925 года и предложит некоторые изменения в Конвенции Монтрё» [Bilgin, Coş, 2010, p. 54–55].

Поэтому первой реакцией Турции было заявление о своей готовности обсудить новый договор. Тем не менее турецкое правительство хотело решать проблемы между Турцией и Советским Союзом на международных встречах, а не путем двусторонних переговоров, рассчитывая на поддержку западных держав.

Однако надежды Турции оправдались не сразу. По словам А. Кылыча, когда Турция столкнулась с советской нотой от 19 марта 1945 г., ни США, ни Великобритания не были озабочены Турцией и ее проблемами [Kilic, 1959, p. 117]. Данное утверждение можно считать лейтмотивом турецких исследований при оценке международного положения Турции после войны. По мнению Семиха Гёкатала²⁷, США и Великобритания не имели возможности гарантировать Турции помощь, так как война всё ещё продолжалась, а Советский Союз был их союзником [Gökatalay, 2016, p. 16].

Не получив поддержки со стороны великих держав, Анкара согласилась с тем, что договор 1925 г. требует пересмотра, поручив своему послу в Москве обратиться к советскому правительству, чтобы изучить условия, при которых может быть заключено новое соглашение [Kilic, 1959, p. 117]. После нескольких частных бесед с С.А. Виноградовым С. Сарпер вернулся в Москву с предложениями по новому союзному договору. Подразумевалась возможность заключения оборонительного договора. Как утверждает Н. Тамкин, в дешифрованных МИД СССР турецких дипломатических телеграммах сообщалось, «что Турция искренне стремилась улучшить отношения с Москвой, но ... стремилась сделать это в рамках ... союза с Великобританией» [Tamkin, 2009, p. 175]. Турецкий исследователь Барин Каяоглу объясняет это тем, что президент И. Инёню рассчитывал, что, какая бы сторона не оказала давление на Турцию, последняя могла опереться на поддержку другой стороны и, используя традиционную политику балансирования, оставаться нейтральной [Kayaoglu, 2014, p. 38].

По словам Н. Тамкина, на деле И.В. Сталин воспользовался турецким предложением как возможностью реализовать свои требования при заключении нового советско-турецкого договора [Tamkin, 2009, p. 175]. Так, во время второй беседы, между С. Сарпером и В.М. Молотовым 7 июня 1945 г. (первая встреча состоялась 19 марта 1945 г. – *А.Б.*), последний заявил, что есть два условия для заключения нового договора между Турцией и Россией: предоставление баз в Дарданеллах и исправление турецко-советской границы, установленной договором 1921 г., что означало отказ Турции от Карса и Ардагана. Третье условие, как отмечают П. Бильгин и К. Джош, состояло в том, чтобы выработать двустороннее соглашение о будущем статусе проливов и конвенции Монтрё, в которых должно было быть предусмотрено создание советских военно-морских баз для совместной обороны с Турцией Босфора и Дарданелл [Bilgin, Coş, 2010, p. 55].

На этих и последующих встречах С. Сарпер сделал ряд конкретных предложений по заключению нового двустороннего договора о дружбе [Bilgin, 2007, p. 55; Tamkin, 2009, p. 175].

²⁷ Семих Гёкаталай – исследователь Университета Сан-Диего (США).

В качестве компенсации за потерю Карса и Ардагана Турции возвращались бывшие османские владения в Сирии – г. Алеппо. При этом, как отмечает М. Бильгин, в разговоре с С. Сарпером, В.М. Молотов намекнул, что существует «четвёртый нерешенный вопрос» [Bilgin, 2007, p. 55]. По мнению М. Ульгюля, четвёртым требованием могли стать территориальные изменения в Турецкой Фракии в пользу Болгарии и Греции [Ulgul, 2010, p. 35]. Б.Р. Канихолм дает иную версию «четвёртого пункта» Молотова. По его словам, он состоял в разрыве Анкарского соглашения с Великобританией или переориентацией внешней политики Турции в пользу СССР [Kuniholm, 1980, p. 258]. Посол Турции оказался даже предварительно обсуждать советские требования.

Как отмечают П. Бильгин и К. Джош, во время встречи 18 июня В.М. Молотов повторил свои требования и подчеркнул, что без согласия по этим вопросам СССР не возобновит переговоры [Bilgin, Coş, 2010, p. 55]. В ответ на это, по словам М. Бильгина, С. Сарпер заявил, что на этом его переговоры в Москве закончились и, если будут ещё какие-либо переговоры, проходить они будут уже в Анкаре [Bilgin, 2007, p. 56]. Это была последняя встреча С. Сарпера с В.М. Молотовым по вопросу о ревизии конвенции Монтрё и территориальных требованиях СССР. Следует уточнить данный пункт: 18 июня 1945 г. С. Сарпер заявил о согласии турецкого правительства рассмотреть советские требования при условии, что в рамках обсуждаемого проекта нового договора СССР снимет территориальные требования в отношении Карса, Ардагана и Артвина [Родионов, 2006, с. 22].

Мнение о том, что ухудшение советско-турецких отношений достигло своего апогея, когда Москва денонсировала договор о дружбе и нейтралитете 1925 г., разделяет подавляющее большинство турецких исследователей. Некоторый диссонанс вносят П. Бильгин и К. Джош. Они отмечают, что, хотя обильные комментарии со стороны официальных лиц Анкары в отношении «молотовской декларации» означали начало конца эры «искренней дружбы», действия турецких политиков ещё не указывали на решительное изменение образа СССР. «Общее впечатление в Министерстве иностранных дел в Анкаре было выжидательным», – подчёркивают они [Bilgin, Coş, 2010, p. 55].

Общественная же реакция на советские требования в Турции была «подобна взрыву» [Kılıç, 1959, p. 117]. М. Бильгин указывает на то, что премьер-министр страны Шюкрю Сараджоглу на встрече с американским послом Эдвином Уилсоном 2 июля 1945 г. отметил, что в случае наихудшего сценария Турция «без колебаний возьмет в руки оружие» [Bilgin, 2007, p. 56]. По словам академика Суата Бильге, принятие Турцией советских требований означало конец Турции как независимого государства [Bilge, 1997].

Менее эмоциональную оценку советским предложениям дают другие исследователи. Так, Б. Каяоглу указывает на то, что вначале турецкое правительство не делало большой проблемы из советских требований. Он отмечает, что на встрече с турецким генералитетом в июле 1945 г. президент И. Инёню выражал желание остаться в дружбе с Москвой [Kayaoglu, 2014, p. 38]. Разнятся и оценки характера советских угроз. Так, с точки зрения С. Бильге, процесс превращения Турции в государство-сателлита активизировался после войны, когда 19 марта 1945 г. В.М. Молотов сообщил С. Сарперу об отмене договора о дружбе и братстве 1925 г. [Bilge, 1997]²⁸. По мнению же М. Ульгюля, уступка турецких территорий имела второстепенное значение для советских правителей по сравнению с базовыми требованиями к турецким проливам [Ulgul, 2010, p. 38]²⁹.

²⁸ Здесь С. Бильге делает ошибку, путая договор о дружбе и нейтралитете с договором о дружбе и братстве 1921 г.

²⁹ В связи с этим известный востоковед В.В. Наумкин отмечает, что вопрос о территориях свидетельствовал о «сильном элементе блефа» в запросной позиции Москвы [Наумкин, Скороспелов, 2024].

В то же время Б. Каяоглу, отмечает, что в изменении внешнеполитического курса СССР после войны в равной степени была виновата и турецкая сторона [Kayaoglu, 2014, p. 38]. В своём исследовании Ф. Ахмад также приходит к выводу, что главная причина советских требований состояла в том, что отношения между Анкарой и Москвой после войны не могли быть прежними из-за прогерманского нейтралитета Турции [Ahmad, 2004, p. 25].

Ход переговоров по «проливному» и территориальным вопросам подтвердил невозможность для Советского Союза реализовать свои требования³⁰. При этом турецкие историки не отрицают, что и после провала советских претензий на Потсдамской конференции [17 июля – 2 августа 1945 г.], ни одна из союзных держав не отрицала обоснованности требований Советского Союза о поправках в действующую конвенцию о проливах [Ataöv, 1965, p. 128]. Однако в условиях отсутствия согласованной позиции держав это заранее обрекало саму идею пересмотра конвенции на неудачу.

Тем не менее, по мнению турецких и западных исследователей, положение могло быть изменено в том случае, если бы СССР отказался от совместного с Турцией контроля над проливами. Т. Атаов отмечает, что 2 ноября 1945 г. правительство Соединенных Штатов представило ноту правительству Турции. Согласно ей, проливы открывались для торговых судов всех народов во время мира и войны с закрытием Босфора и Дарданелл для военных кораблей неприбрежных стран. Исключения допускались только в особых случаях в виде согласия самих черноморских государств или по решению ООН [Ataöv, 1965, p. 128]³¹. Столь выгодные для СССР предложения со стороны США Б.Р. Канихольм объясняет тем, что американцы не хотели брать на себя ответственность за безопасность проливов [Kuniholm, 1980, p. 266].

Таким образом, положение СССР как сильнейшей черноморской державы и его членство в Совете Безопасности ООН практически полностью гарантировали Чёрное море от военного проникновения нечерноморских стран, по крайней мере, в мирное время. Т. Атаов отмечает, что Турция была согласна вести диалог с СССР в рамках американского проекта [Ataöv, 1965, p. 129]. Из монографии Б.Р. Канихольма следует вывод, что причина неудачи американской ноты, состояла в том, что предложения госдепартамента США по разным причинам не соответствовали политике заинтересованных сторон. Ответом советского посла в Турции было заявление, что безопасность СССР была недостаточной, и требование баз в Турции сохранилось [Kuniholm, 1980, p. 267]. Конец обмену мнениями между державами и Турцией по вопросу о проливах был положен нотами СССР и Турции 24 сентября и 18 октября 1946 г.³² 18 октября 1946 г. рассматривается в Турции как завершение Второй мировой войны.

Причины же упорства СССР в реализации невыполнимых требований следует искать в субъективных причинах, главной из которой являлась переоценка советским руководством возможностей СССР после победы над Германией. Так, впоследствии В.М. Молотов в беседе с писателем Феликсом Чуевым признавал, что требования к Турции в 1945–1946 гг. были несправедливыми [Чуев, 1991, с. 102].

³⁰ Подробнее см.: [Советский Союз на международных конференциях, т. 6, 1980].

³¹ Интересно отметить, что американские предложения соответствовали положениям советской ноты Англии, США и Турции от 7 августа 1945 г., где СССР изложил свои взгляды на планируемый режим проливов [Наумкин, Скороспелов, 2024]. Это позволяет предположить, что госдепартамент США принял советские требования за исключением права Турции и СССР на совместную оборону проливов.

³² В ноте МИД СССР от 24 сентября 1946 г. утверждалось, что требования СССР, имеющего в Чёрном море самую протяжённую границу, вытекают из его жизненных интересов. Ответом Турции стала нота от 18 октября 1946 г. В ней отвергались претензии относительно неисполнения Анкарой своих функций по контролю над режимом проливов в годы войны. СССР оставил эту ноту без ответа, а когда наступил срок окончания действия КМ-36, не сообщил о её аннулировании. Таким образом, конвенция Монтрё действует до сих пор.

В заключение следует отметить, что в современной турецкой историографии традиционно преобладает негативная оценка той роли, которую сыграл Советский Союз в истории советско-турецких отношений 1939–1945 гг. Турецкие исследователи подчёркивают, что в рассмотренный период СССР активно готовился к ревизии конвенции Монрё. Большинство турецких историков отмечает доброжелательную и терпеливую линию Турции, её безупречную позицию с точки зрения буквы КМ-36 и агрессивные планы Москвы. Отмечая несправедливый характер внешней политики Советского Союза, многие авторы не обращают внимания на то, что советские требования к Турции в отношении проливов не оспаривались никем из держав антигитлеровской коалиции, включая саму Турцию и были продиктованы печальным опытом турецкого суверенитета над Босфором и Дарданеллами в период Второй мировой войны. В самой турецкой историографии преобладает тенденция ограничить исследование «проливных» претензий Советского Союза послевоенным периодом, т.е. показать, что политика Турции в этом вопросе изначально носила принципиальный характер. Таким образом, более объективный характер носят те исследования, в которых проблема черноморских проливов в советско-турецких отношениях рассматривается, начиная с межвоенного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Болдырев А.В. Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны в публикациях современных турецких исследователей. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 29–39 [Boldyrev A.V. Foreign Policy of the Republic of Turkey on the Eve of World War II in the Publications of Modern Turkish Researchers. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 29–39 (in Russian)].
- Гюдек А. Влияние Второй мировой войны на внешнюю политику Турции. *ИноСМИ*. 23.02.2013. [Güdek A. The Impact of World War II on Turkey's Foreign Policy. *Inosmi*. 23.02.2013 (in Russian)] <https://inosmi.ru/world/20130223/206214145.html> (accessed: 01.01.2024).
- Джумхур К. *Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.)*. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017 [Cumhur K. *Turkish-Soviet Relations in the Context of International Military-Political Confrontation (1920–1991)*. PhD Thesis. Nizhny Novgorod, 2017 (in Russian)].
- Наумкин В.В., Скороспелов П.П. Россия/СССР – Турция/Турция: «дружественный нейтралитет». Цели советской политики на турецком направлении. *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 6–25 [Naumkin V.V., Skorospelov P.P. Russia/USSR – Turkey/Turkey: Legacy of “Friendly Neutrality”. Goals of Soviet Policy towards Turkey. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 6–25 (in Russian)].
- Нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г.* [Note from the German Foreign Office to the Government of the Soviet Union dated June 21, 1941 (in Russian)] http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1941nota.php (accessed: 23.07.22).
- Сыракая С. Борьба турецкой газеты «Тан» против германской пропаганды в начале Второй мировой войны. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2015. № 2. С. 120–131 [Syraaya S. The Turkish Newspaper Tan struggle against the German Propaganda in the Second World War Beginning. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika (= Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism)*. 2015. No. 2. Pp. 120–131 (in Russian)].
- Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы*. Сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991 [Subject to Disclosure: USSR – Germany. 1939–1941: Documents and materials. Yu. Felshtinsky (ed.) Moscow: Moskovsky rabochy, 1991 (in Russian)].
- Родионов А.А. *Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла*. М.: Международные отношения, 2006 [Rodionov A.A. *Turkey: Crossroads of Destinies. Memoirs of an Ambassador*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2006 (in Russian)].
- СССР и Турция. 1917–1979 гг.* М.: Наука, 1981 [USSR and Turkey. 1917–1979. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов*. Т. 3. Крымская конференция руководителей трех союзных держав. 4–11 февраля 1945 г. М.: Политиздат, 1979 [The Soviet Union at the International Conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of Documents. Vol. 3. The Crimean

conference of the leaders of the three allied powers. February 4–11, 1945. Moscow: Politizdat, 1979 (in Russian)].

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. 17 июля – 2 августа 1945 г. М.: Политиздат, 1980 [*The Soviet Union at the International Conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of Documents*. Vol. 6. Berlin (Potsdam) Conference of the Leaders of the Three Allied Powers. July 17 – August 2, 1945. Moscow: Politizdat, 1980 (in Russian)].

Чуев Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева*. М.: ТЕРРА, 1991 [Chuev F. *140 Conversations with Molotov: From the Diary of F. Chuev*. Moscow: TERRA, 1991 (in Russian)].

Ahmad F. The Historical Background of Turkey's Foreign Policy. *The Future of Turkish Foreign Policy*. L.G. Martin, D. Keridis (eds.) Boston: The MIT Press, 2004. Pp. 9–33.

Arioğlu İ. *American Turkish Relations 1945–1960: The Roots of a Long-Term Alliance*. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. Ankara, 2003.

Ataöv T. *Turkish Foreign Policy. 1939–1945*. Ankara: Üniversitesi Basınevi, 1965.

Baba G. Beginning the Search for a “Great Protector”: Turkey's Un Membership for The US Alliance. *Yönetim Bilimleri Dergisi. Journal of Administrative Sciences*. 2011. Vol. 9. No. 2. Pp. 73–94.

Bilge S.A. An Analysis of Turkish-Russian Relations. *Perceptions*. 1997. Vol. II (Jun–Aug). <https://sam.gov.tr/en/perceptions/archive/volume-ii-perceptions-jun-aug-1997> (accessed: 30.08.2020).

Bilgin M. *Britain and Turkey in the Middle East*. London - New York: Tauris Academic Studies, 2007.

Bilgin P., Coş K. Stalin's Demands: Constructions of the “Soviet Other” in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945. *Foreign Policy Analysis*. 2010. No. 6. Pp. 43–60.

Gökatalay S. *Turkish Press and the Early Cold War (1945–1950)*. In partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science in the department of Middle East Studies. Ankara, 2016.

Hale W. *Turkish Foreign Policy. 1774–2000*. London & Portland, OR: Frank Cass, 2000.

Isci O. *Russophobic Neutrality: Turkish Diplomacy, 1936–1945*. In partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. Washington, 2014.

Kayaoglu B. *Loving and Hating America in Turkey and Iran: A Cold War Story of Alliance Politics and Authoritarian Modernization, 1945–1980*. Dissertation presented to the Graduate Faculty of the University of Virginia in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy Department of History University of Virginia. Ankara, 2014.

Kılıç A. *Turkey and the World. An Appraisal of Events and Policies since World War II*. Washington: Public Affairs Press, 1959.

Kuniholm B.R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton: Princeton University Press, 1980.

Önsöy M., Baba G. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II. *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD)*. 2019. Year 15. Issue 29. Pp. 123–147.

Roberts G. Stalin at the Tehran, Yalta, and Potsdam Conferences. *Journal of Cold War Studies*. 2007. Vol. 9. No. 4. Pp. 6–40.

Tamkin N. *Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45. Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean*. 1st ed. London: Palgrave Macmillan, 2009.

Türkiye Cumhuriyeti Tarihi. Cilt II. Ankara: AKDİYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2004 (in Turkish).

Ulgul M. *The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945–1960)*. A Thesis Submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Gainesville, 2010.

Yıldırım O. *War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII*. Pp. 1–10. https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (accessed: 30.08.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОЛДЫРЕВ Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.